

**КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

**Читайте
захватывающие остросюжетные романы
Ирины Градовой:**

**СЕРИАЛ
«СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ДОКТОР МОНОМАХ»**

Предложение, Экзотический симптом
от которого не отказываются Клиническая ложь
Не делай добра Горькое лекарство
Смерть навывнос Побочные эффекты

**СЕРИАЛ
«СЫЩИЦА В БЕЛОМ ХАЛАТЕ»**

Окончательный диагноз Инородное тело
Врач от бога Вскрытие покажет
Пациент скорее жив Второе рождение
Последний секрет Парацельса Врачебная ошибка
Чужое сердце Рецепт от Фрейда
Забытая клятва Гиппократа Мальтийский пациент
Шоковая терапия Врачебные связи
Клиника в океане Диагностика убийства
Вакцина смерти Сколько стоит твоя смерть
Источник вечной жизни Инстинкт хищницы

**СЕРИАЛ
«БАЛЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ»**

Танец над пропастью Последняя надежда обреченных
Ария для призрака Актриса на роль подозреваемой
Венчальное кольцо Нибелунгов Соло на раскаленной сцене
Гнев Пигмалиона

**СЕРИАЛ
«АДВОКАТ НА ДОВЕРИИ»**

Ложь под звездным соусом
Жена государственной важности

**СЕРИАЛ
«СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЭМПАТ»**

Проклятие ДНК
Ювелирная работа
Кровь ангелов

Ирина Градова

Торькое
лекарство

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г75

Редактор серии *А. Антонова*

Градова, Ирина.

Г75 Горькое лекарство : роман / Ирина Градова. —
Москва : Эксмо, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-238293-2

Врач-хирург Владимир Князев по прозвищу Мономах отправляется на встречу со своей бывшей медсестрой, находит ее мертвой и становится подозреваемым в совершенном жестоком убийстве. Вскоре аналогичным образом — скальпелем по горлу — убивают еще двух медсестер, так или иначе связанных с Мономахом, и теперь уважаемому доктору уже не отвертеться: клеймо маньяка-убийцы ему обеспечено. Если... за дело не возьмется тайно влюбленная в Мономаха умница-следователь Алла Суркова, способная собрать пазл из вроде бы разрозненных криминальных историй...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Градова И., 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-238293-2

Прикрыв дверь и повернув ключ в замке, Мономах рухнул в свое кресло за столом, заваленным бумагами. О том, чтобы приняться за них сейчас, не могло быть и речи: он с утра на ногах, три операции от двух до трех с половиной часов с перерывами по двадцать минут — даже перекусить не успел бы, если б не добросердечная медсестра Алина. Та сбегала в столовую и купила ему три пирожка с капустой и чай с лимоном, которые он съел и выпил буквально на ходу, перебегая от одной операционной к другой. К слову, он мог бы работать поменьше, ведь позиция заведующего отделением ТОН, то есть травматолого-ортопедическо-нейрохирургического, предполагает некоторые привилегии. Например, его коллега и вечный недруг, заведующий травматологией Тактаров, использовал эти привилегии на полную катушку, записывая себя вторым, а то и первым хирургом в операциях, в которых он вообще не принимал участия! Для Мономаха это было неприемлемо, но и обычные бонусы в виде, скажем, уменьшения операционной нагрузки, его не устраивали: Мономах справедливо полагал, что хирург, перестав оперировать, умирает как профессионал, а потому «самозабвенно резал налево и направо»,

как со смехом выражалась его начальница и, по совместительству, любовница, и. о. главного врача Анна Нелидова.

И все же возраст, похоже, берет свое, как ни печально это признавать! Скоро ему стукнет сорок семь — господи, УЖЕ сорок семь, а ведь, кажется, совсем недавно он окончил медицинский институт и ринулся в профессию очертя голову, мечтая заработать себе репутацию, сделать имя в медицинском сообществе и, возможно, совершить какой-нибудь значимый прорыв в своей области. Ну, положим, первые два пункта он выполнил, а третий... Что ж, он ведь не стар, может, все впереди? Однако еще пять лет назад Мономах даже не ощутил бы особого напряжения, выстояв девять часов у операционного стола, а сегодня у него ломит все тело, гудят ноги, а пальцы едва гнутся! Может, пора все-таки воспользоваться положением и перестать корчить из себя многостаночника?

Ну вот перед ним и встал вопрос возраста — дожили, как говорится!

С некоторых пор Мономах стал замечать, что большинство работников отделения моложе него. Когда коллеги поздравляют его с днем рождения и другими праздниками, то желают много всего — в зависимости от того, у кого как развита фантазия. В основном, конечно же, формулировки стандартные: счастья, здоровья и финансового благополучия. Ужасно не это, а то, что скоро, по всей видимости, останется единственное пожелание — здоровья. Для себя Мономах решил: когда это случится — значит, здравствуй, старость!

Дело осложнялось тем, что, несмотря на неурочное время, — конец апреля! — Комитет по здраво-

охранению скинул квоты на бесплатные операции по протезированию суставов и межпозвоночных дисков, а это означало, что работы не просто хватит на всех хирургов ТОН и травматологии Тактарова — пришлось кинуть клич и пригласить народ из НИИ травматологии и ортопедии имени Вредена) и пары других больниц! Пациентов тоже пришлось вызывать: хоть люди и стоят в очереди на операцию, нельзя забывать, что начинается дачный сезон. А кто у нас самые заядлые дачники? Правильно, пенсионеры, они же — самые вероятные пациенты ортопедической хирургии! И все же койки удалось заполнить быстро, а послеоперационных больных без осложнений и сопутствующих заболеваний не держат в стационаре больше недели — народ ломанулся валом, и теперь Мономах уже опасался, что квот на всех не хватит: придется звонить в Комитет и просить еще!

Так что вряд ли удастся в ближайшее время уйти в отпуск, как он рассчитывал. А жаль, ведь Мономах планировал провести время с сыном, которого почти не видел в течение года, если, конечно, исключить общение по видеосвязи! Может, к концу июля все рассосется, и удастся выкроить пару недель?

Еще раз посмотрев на кипу бумаг на столе так, словно каждый из этих документов являлся его личным врагом, мешающим спокойно жить, Мономах решительно поднялся и направился к вешалке, на ходу стягивая халат, который, казалось, врос в тело за время, проведенное в операционной. И тут зазвонил телефон. Не мобильный, а стационарный, и это могло означать лишь одно: звонок официальный, придется снова вернуться к работе! Не брать? В принципе, время позднее, и никто бы не удивился... Черт, так нельзя — вдруг что-то важное?

— Владимир Всеволодович? — раздался мелодичный голос на другом конце провода, и Мономах решил, что его обладательница, должно быть, молода. Секретарша какой-то «шишки»?

— Слушаю, — произнес он не слишком любезно: названивать позднее конца рабочего дня по меньшей мере невежливо!

— Наверное, вы меня не помните, я работала медсестрой в вашем отделении лет пять назад... Далманова я...

— Ольга Далманова? — перебил Мономах. — Ну почему же, я прекрасно тебя помню! Что, решила вернуться? А то у нас катастрофически не хватает среднего медперсонала...

— Да я, честно говоря... Владимир Всеволодович, вы действительно взяли бы меня обратно?

— Естественно, у меня есть две незакрытых ставки, а ты, если мне не изменяет память, хорошо работала!

— Спасибо. Может, я и вернусь!

— Оля, у тебя что-то случилось?

— Почему вы так решили?

— Ну, у тебя голос такой...

— Какой?

— Встревоженный, по-моему.

— Правда?

В трубке ненадолго повисло молчание, потом девушка снова заговорила.

— Владимир Всеволодович, вы правы: кое-что есть, только... — Она снова осеклась.

— Оля?

— Я просто не знаю, с кем еще поговорить!

— Ты можешь поговорить со мной, если хочешь.

— Но не по телефону, хорошо?

— Можешь прийти в больницу...

— Нет-нет, я не хочу посторонних глаз и ушей — меня же все знают!

Господи, что могло случиться такого, из-за чего Оля Далманова опасается огласки и даже просто того, что ее кто-то увидит в обществе Мономаха?!

— Хорошо, где ты хочешь поговорить? — спросил он вслух. — Может, мне подъехать к твоей...?

— Нет-нет, только не к работе! — тут же перебила она. — Но рядом с нашим медицинским центром есть круглосуточное кафе. Я сегодня дежурю, так что смогу выскочить минут на двадцать. Когда вы сможете?

— Ну-у, — взглянув на часы, протянул Мономах, — где-то через час, если пробок не будет.

— Значит, около девяти... Хорошо, Владимир Всеволодович, буду ждать вас в кафе. Оно там одно, не перепутаете! И, на всякий случай, запишите мой сотовый.

Повесив трубку, Мономах откинулся на спинку кресла и призадумался. Оля Далманова действительно была хорошей медсестрой — знающей, опытной и, что немаловажно, добросердечной. Чем больше молодежи приходило в отделение Мономаха, тем глубже он убеждался, что эти ребята и девчонки в большинстве своем неправильно воспринимают медицинскую профессию, относясь к ней как к способу заработать на жизнь. Может, если тебе повезло устроиться в дорогой медицинский центр или твоя специализация, скажем, пластический хирург или ортодонт, тогда, конечно, справедливо ожидать хороших доходов. В остальных случаях придется довольствоваться довольно скромным заработком и подарками от пациентов, если они сами пожелают тебя отблагодарить. Но ведь есть еще и удовлетворение от того, что ты занимаешься любимым делом, и оно приносит

пользу людям! В наши дни это звучит слишком пафосно и неуместно, но и сам Мономах, и те, у кого он учился, в большинстве своем придерживаются именно такой идеологии. Это не означало, что они чужды материальных благ и не нуждаются в деньгах — просто они избрали такой образ жизни, который не позволяет разбогатеть, и свыклись с этой мыслью. В юности, живя на сущие копейки, Мономах утешался тем, что сравнивал себя с великими художниками и писателями — как правило, с Амедео Модильяни и Эдгаром По. Оба умерли в бедности, а при жизни влачили жалкое существование, однако даже не подумали сменить сферу деятельности, предпочтя продолжать делать то, к чему лежит душа, пусть даже это и не приносит дивидендов! Само собой, среди представителей его профессии встречаются отдельные индивиды типа бывшего главврача Муратова, ставящие финансовую составляющую превыше всего, но Мономах искренне считал, что судьбы им — только бог да Следственный комитет. И собственная совесть, если она, конечно, не отмерла еще в подростковом возрасте как ненужный рудимент. К сожалению, типы вроде Муратова в последнее время стали попадаться все чаще... Вот и Оля вынуждена была уйти в более «хлебное» место: на ее попечении находились маленький сынишка и сестра-инвалид, что заставило ее искать зарплату повыше. Мономах не осуждал медсестру, хотя и сожалел о ее уходе. Он не интересовался ее дальнейшей судьбой, полагая, что у нее все хорошо. Однако до него доходили слухи, что Оля устроилась в дорогой медицинский центр на Васильевском острове. Это центр города, а значит, расценки аховые, что позволяет надеяться на хорошие заработки. И вот неожиданно, спустя несколько

лет, медсестра звонит с просьбой о встрече. Мономах понял по ее голосу, по тону, что она близка к состоянию паники, и не представлял, что могло настолько взволновать молодую женщину, вынудив обратиться к нему, человеку, с которым судьба развела ее давным-давно. Да и близки-то они никогда особо не были — какая «близость» между зав. отделением и средним медперсоналом!

подавив вздох, Мономах потянулся за ключами от кабинета.

* * *

— Итак, что заставляет вас подозревать преследование, Инга Алойзовна?

Алла изо всех сил изображала заинтересованность, хотя на самом деле считала, что дело не стоит выеденного яйца: если бы не личная просьба руководителя следственного управления Андрона Кириенко, генерал-майора юстиции и ее непосредственного руководителя, она бы ни за что не стала этим заниматься! Если ты считаешь, что тебя кто-то преследует, обращайся в местное отделение полиции, там обязаны принять меры — совершенно необязательно бежать со своими предположениями аж в Следственный комитет, напрягая при этом все доступные связи! Из-за таких вот паникеров, обладающих «волосатыми лапами» на разных уровнях, по-настоящему пострадавшие люди вынуждены ждать своей очереди без особой надежды.

— Честно говоря, Алла Гурьевна, я не ожидала, что Тимур разовьет такую бурную деятельность и обратится в СК!

Вот так номер! Выходит, звонок Кириенко был инициативой какого-то там Тимура? Что ж, голос у

нее приятный, у этой Цибулис, да и внешность вполне себе презентабельная: наверное, такой и должна быть врач, имеющая дело с тяжелобольными — она вызывает доверие и расположение, дает надежду.

Инга Цибулис была миниатюрной, стройной женщиной чуть за сорок. Никто не назвал бы ее красивой — слишком острые черты лица, нос длинноват, глаза близко посажены, — но все же она была по-своему привлекательна благодаря густой копне медно-рыжих волос и молочно-белой коже без следа веснушек, что, по наблюдениям Аллы, является редким исключением из правил представителей такого фенотипа. Кроме того, улыбалась Цибулис очаровательно, одними уголками губ, но выходило это у нее как-то мило и тепло, даже вроде бы виновато. Похоже, докторша ощущала себя не в своей тарелке в кабинете следователя, и Алла ее понимала: мало кто может здесь расслабиться.

— Кто такой Тимур? — поинтересовалась Алла, не любившая, когда ей что-то неизвестно.

— Хороший друг, — мягко пояснила собеседница, и по ее тону стало ясно, что друг этот и в самом деле очень близкий — Алла легко улавливала полутона. — Он запаниковал... зря я ему рассказала!

— Ну, раз уж вы здесь, может, расскажете все с самого начала?

— Честное слово, Алла Гурьевна, я не думаю, что дело серьезное...

— Ваш... друг и мой начальник считают, что это так, а значит, стоит, по крайней мере, разобраться. Вполне вероятно, вы правы, и тогда мы просто разойдемся. Но если их опасения имеют под собой основания, то, чем раньше мы оценим уровень опасности, тем лучше!

— Хорошо! — вздохнула Цибулис и взъерошила волосы пятерней — жест, который могла позволить лишь полностью уверенная в себе женщина, не боящаяся нарушить безупречность прически. — Возможно, меня действительно кто-то преследует, но я не уверена, что это опасно.

— Какие факты заставляют вас так полагать?

— Некоторое время назад прокололи шины моего автомобиля...

— Господи, это же сплошь и рядом случается — ну, побаловался кто-то, и все! — перебила ее Алла.

— Я тоже так подумала, но это случилось снова. И снова.

— Трижды?

— Четырежды, если быть точной.

— А вот это уже интересно! — пробормотала Алла, чувствуя, как раздражение от того, что ее оторвали от важных занятий ради беспочвенной тревоги истеричной дамы, постепенно отступает, уступая место азарту, который она ощущала каждый раз, когда пахло интересным расследованием. — Что-то еще?

— Мой почтовый ящик подожгли. В нашем подъезде везде стоят камеры, но на них отсутствуют записи в момент поджога!

— Что, совсем?

— Да нет, но... там помехи, понимаете?

— Понимаю. Похоже, ваш недоброжелатель с техникой на «ты»!

— А еще мне постоянно названивают — и на мобильный телефон, и на домашний. Я даже номера сменила, но это не помогло! Тимур пытался «пробить» этого телефонного террориста по своим каналам, но оказалось, что звонки приходят из-за границы, причем из разных стран!

— Больше ничего нет?

— Слава богу, нет, — покачала головой Цибулис. — Потому-то я и не особенно беспокоюсь: ну да, звонки раздражают, да и машину жалко, но физически, по крайней мере, мне навредить не пытаются.

— Это ни о чем не говорит, — возразила Алла. — Если вас преследует маньяк, то, почувствовав безнаказанность, он может перейти к более активным и, соответственно, агрессивным действиям.

— Маньяк?! — переспросила Цибулис, словно такая мысль до сих пор не приходила ей в голову. — Это же ерунда какая-то!

— Почему?

— Да кто я? Актриса? Певица? Знаменитость какая-то? Это их преследуют всякие ненормальные, а я известна только в узком кругу врачей и пациентов — с какой стати кому-то этим заниматься!

— У вас есть предположения, кто это может быть? Может, недовольный лечением пациент или коллега, которого вы обошли на карьерной лестнице?

— Не думаю... Знаете, Алла Гурьевна, недоброжелатели есть у всех, но это же не означает, что кто-то из них на такое способен!

— Люди разные, Инга Алойзовна, — резонно ответила на это Алла. — Никогда не знаешь, чего от них ожидать!

Некоторое время Цибулис молчала, как будто пытаясь осознать, насколько велика опасность, которую она до сих пор была склонна преуменьшать. Алла решила не дожидаться окончания процесса и задала новый вопрос:

— У вас есть враги, Инга Алойзовна?

— Враги? Да у кого же их нет?!

— Надо составить список.

— Это будет выглядеть как донос!

— Ничего подобного, ведь никто не собирается задерживать людей лишь на основании ваших предположений! Однако необходимо выяснить, у кого из них на вас такой огромный зуб, что они не жалеют ни времени, ни ресурсов на то, чтобы затруднить ваше существование. Предлагаю начать прямо сейчас. Вот вам бумага, вот ручка — пишите!

Оставив Цибулис в кабинете, Алла решила прогуляться до кабинета Кириенко. Ей просто необходимо было выяснить, насколько важная птица эта докторша, кто такой загадочный Тимур, и почему высокое начальство заинтересовано в помощи этим людям. Алла любила определенность во всем, что тут поделаться?

Затренькал телефон в кармане брюк, и она с удивлением увидела, что на экране высветилось имя Ивана Гурнова. Гурнов работал в одной больнице с Мономахом, только, если второй был хирургом-травматологом, то первый заведовал патологоанатомическим отделением, которое Мономах шуточно окрестил «царством Аида». С некоторых пор Иван, с подачи Аллы, начал сотрудничать со Следственным комитетом, и она не раз пользовалась услугами этого компетентного и эрудированного специалиста. Немаловажную роль в том, что Алле пришлось в голову «сосватать» Гурнова начальству в качестве судмедэксперта, сыграла его близкая дружба с Мономахом, человеком, с которым Алле хотелось сблизиться с самой первой встречи. Однако она не ожидала, что Гурнов позвонит, так как, насколько ей было известно, никаких общих дел они в данный момент не вели.

— Алла Гурьевна, приветствую! — отрывисто прокаркал патолог хриплым, низким голосом.

— Добрый день, Иван Геннадьевич...

— Да как сказать! — перебил он.

— Что вы имеете в виду? — встревожилась Алла. — Что-то случилось?

— Да, Алла Гурьевна, случилось, иначе я бы не стал вас беспокоить в разгар рабочего дня!

— В чем дело?

— Моно... то есть Володька Князев пропал. В смысле, доктор Князев.

— То есть... как это — пропал? — с запинкой переспросила Алла, пытаясь переварить невероятную новость.

— Да вот так, как я и говорю! Сегодня не пришел на работу, никто понятия не имеет, где он — ни главврач, ни его подчиненные, ни даже я!

— Может, он заболел?

— Да не может, потому что его нет дома — он там не ночевал! Мне звонил Сархат...

— Сархат — это его работник? — перебила Алла.

— Ну да, приживал его, — подтвердил Гурнов.

— Иван Геннадьевич, Владимир Всеволодович — взрослый, здоровый мужчина, и он имеет право...

— Да в курсе я, что он имеет право не ночевать дома, но он не предупредил Сархата, что не придет, понимаете? Он никогда так не поступает! И потом, как быть с тем, что он не появился на работе? Нелидова точно была бы в курсе, если бы он отъехал в Комитет по здравоохранению или еще куда-то по делам...

— Вы ему звонили?

— И я, и Сархат оборвали телефон, но Мо... Вовка не отвечает!

— Вне доступа или что?

— Да нет, просто длинные гудки. Алла Гурьевна, надо что-то делать: я его знаю, и уверен, что что-то

случилось! Мы буквально недавно говорили с ним о такой ситуации...

— О какой?

— Ну, если вдруг кто-то из нас исчезнет...

— То есть он предполагал такую возможность?

— Да нет же, мы рассуждали гипотетически, в связи с делом Рукояткина¹. Он ведь тоже пропал, никто его не искал, и если бы...

— Я прекрасно помню это дело, Иван Геннадьевич, — снова прервала доктора Алла, холодея от одной мысли о том, что Мономах и впрямь попал в беду. — Вы правильно сделали, что позвонили: я обязательно его найду!

— Найдите, Алла Гурьевна, потому что мы уже сделали все возможное, за исключением подачи заявления о пропаже человека в полицию!

— Не думаю, что в подобной мере есть необходимость, оставьте это дело мне, ладно? Я свяжусь с вами, как только что-нибудь узнаю. И вы, если...

— Разумеется, если он объявится, я сразу же поставлю вас в известность!

Повесив трубку, Алла внезапно обнаружила, что ее потряхивает. Да ладно, что, собственно, случилось-то? Ну, не ночевал мужик дома, ну, прогулял работу... Если бы речь шла о ком-то другом, она бы так и подумала, но Мономах?! Нет, он не мог по своей воле так поступить, и не зря Гурнов беспокоится о приятеле, ведь он знает его, пожалуй, лучше любого другого!

Забыв о том, что в ее кабинете находится жертва преследования, Алла присела на подоконник

¹ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Клиническая ложь».

и попыталась рассуждать здраво. Что могло произойти со взрослым мужчиной в большом городе? Ответ пришел сразу — да все что угодно! Мегаполис в наши дни — опасное место, и никто не застрахован как от несчастного случая, так и от преднамеренного нападения — вот, в ее кабинете сейчас сидит живой пример... Гурнов говорил, что звонил Мономаху много раз, как и его работник Сархат, и все же она решила проверить их слова. Все оказалось именно так, как они утверждали: длинные гудки, говорящие о том, что некому снять трубку. Тогда Алла набрала другой номер.

— Алло-о! — почти сразу раздался раскатистый голос. — Доброго дня, Алла Гурьевна!

— Игорь, здравствуйте! Мне срочно нужно выяснить, где находится один телефончик.

— Диктуйте номер, сейчас узнаем!

* * *

Мономах сидел на жесткой шконке в полном одиночестве. Единственной связью с внешним миром для него оставалось маленькое зарешеченное окошко, потому что телефон отобрали при задержании. Он просил позволить ему позвонить на работу и предупредить о случившемся, однако крепкий молодчик в черной косухе и джинсах грубо ответил, что «куда нужно они позвонят сами». Поначалу Мономах даже не был уверен в том, что скрутившие его люди действительно работают в органах охраны правопорядка, но позднее, когда его привезли во вполне официальное учреждение, сообщили дежурному в форме о прибытии задержанного и заперли в камере, он немного успокоился: в конце концов, рано или поздно все выяснится. Только вот что выяснится? Мономах

не в первый раз сталкивался с правоохранителями и понимал, что находится в весьма невыигрышном положении: его фактически застукали с руками по локоть в крови рядом с холодеющим трупом молодой женщины. Проверив его сотовый, они узнают, что он несколько раз звонил убиенной незадолго до ее гибели: Ольга задерживалась, поэтому Мономах хотел выяснить, в чем дело... Что из всего этого следует? То, что он ее и порешил!

Его слегка потряхивало. Мертвых и искалеченных тел он на своем веку повидал немало: работая хирургом-травматологом, раньше Мономах частенько имел дело с жертвами всевозможных аварий и производственных травм, хотя в последнее время у него были по большей части плановые пациенты. Тем не менее впервые на его руках умерла его знакомая, бывшая подчиненная, а он, как ни старался, ничем не сумел ей помочь. А вот теперь — кто же поможет ему самому? На нем по-прежнему заляпанная бурой жидкостью клетчатая рубашка и джинсы, тоже с пятнами крови. Спасибо дежурному — дал несколько влажных салфеток, чтобы хоть руки вытереть, но кровь нужно хорошо смывать большим количеством воды, иначе только размажешь...

Казалось, его вид совершенно не смутил следователя, который с самого утра затребовал Мономаха к себе. Проведя ночь в камере, задержанный выглядел потрепанным и невыспавшимся — а кто бы блаженно почивал в подобном месте?! Как и ожидал Мономах, его уже признали виновным, осудили, приговорили и, судя по всему, готовили к отправке на лесоповал — и все это произошло всего за восемь или девять ночных часов. Следователь задавал странные вопросы: не о том, как он оказался на месте пре-

ступления и почему был вымазан в крови погибшей, а о том, кем она ему приходилась и как часто они общались или встречались. Создавалось впечатление, что следователю известно нечто, о чем сам Мономах понятия не имеет, и ощущение было не из приятных.

Невеселые думы Мономаха прервало гроыхание замка снаружи, после чего дверь с душераздирающим скрипом распахнулась (господи, неужели нельзя смазать ее, чтобы не резала слух?!) и на пороге возник человек, которого Мономах меньше всего ожидал увидеть.

— Спасибо, можете идти, — произнесла Суркова, обращаясь к дежурному. Тот повинился, привыкший подчиняться приказам вышестоящего начальства. Несмотря на пережитое и беспокойство о собственной судьбе, Мономах не мог не отметить, что следовательша выглядит иначе, чем в последнюю их встречу — видимо, диета снова дает плоды: она кажется посвежевшей и постройневшей. Не модель, конечно (впрочем, с ее небольшим ростом такое не представлялось возможным даже с параметрами девяносто-шестьдесят-девяносто!), однако — молодая, привлекательная женщина с приятными формами, не более того. И похоже, она что-то сделала с волосами: стрижка все такая же короткая, но другая.

Алла тоже рассматривала Мономаха, поднявшегося при ее появлении. Вряд ли он сделал это из вежливости (она никогда не замечала за доктором куртуазности), просто он, очевидно, был взволнован ее внезапным появлением. Алла отметила его усталый вид, щетину на лице, пятна крови на рубашке и джинсах, а также какой-то потухший взгляд, обычно светившийся интересом или азартом. Поэтому ее первым вопросом стал не тот, который она планировала: